

А.Ю. Бендин, доктор исторических наук,
профессор кафедры богословия
Института теологии
Белорусского государственного университета.

М. Н. Муравьев и митрополит Литовский Иосиф (Семашко): опыт государственно-церковного сотрудничества.

1. Польское восстание 1863 г. и особенности реформ в Северо-Западном крае Российской империи.

Осенью 1863 г. были подавлены последние разрозненные выступления шляхты и крестьян в Ковенской губернии и практически уничтожена краевая подпольная организация, опиравшаяся на духовную поддержку ксендзов, деньги, продовольствие и политическую солидарность польского дворянства. Экономически и культурно доминировавшая польско-католическая элита в ходе вооруженной борьбы стремилась восстановить в крае свое политическое господство, утраченное в результате разделов Речи Посполитой. Однако не получив поддержки крестьянства и военную помощь Англии и Франции, потерпела сокрушительное поражение.

В результате разгрома отрядов «красных» и «белых» польских сепаратистов русская государственная власть и общественный порядок на территории края были полностью восстановлены. Волевым, твердым и рациональным руководством виленского генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьева войсками и администрацией позволило в короткий срок покончить с жестокими убийствами мирных жителей, грабежами, насилиями и бесчинствами, которые сопровождали вооруженные действия повстанцев.

Государственные преступники, осужденные по приговорам судов и арестованные в административном порядке, были частью казнены, частью отправлены на каторгу и в ссылку, частью помилованы и отпущены по домам¹. Имена многих помещиков и шляхты, прямо или косвенно участвовавших в восстании, подверглись секвестру и конфискации². Умеренные же, открыто не

¹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. М., 1965. – С. 95-98; Литовский государственный исторический архив. Далее: ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 10; Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. – № 6. – С. 507.

² ЛГИА. – Ф. 525. – Оп. 15. – Д. 931. – Л. 1-198; ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 606. – Л. 11-566; Национальный исторический архив Беларуси. Далее: НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. –

примкнувшие к восстанию, а также оставшиеся лояльными правительству польские дворяне, ксендзы и епископат, вместе, «чистосердечно и гласно», высказались за признание края «русским, неотъемлемым от России»¹.

Таким образом, к концу 1863 г. Северо-Западный край (Литва и Белоруссия) был «совершенно усмирён»². Главная задача, которую император Александр II поручил генерал-губернатору М.Н. Муравьеву в апреле того же года, была практически решена.

Трагический опыт восстания свидетельствовал о том, что многие причины, его породившие, крылись в том типе колониальных отношений и эксплуатации, которые основывались на исторически сложившемся господстве немногочисленного польского дворянства над западно-русским (белорусы и малороссы) крестьянским большинством Северо-Западного края.

Дальнейшее сохранение социально-экономических и культурных основ этого доминирования делало неизбежным и возникновение новой потенциальной угрозы польского сепаратизма на западных окраинах России. Задачей М. Н. Муравьева стала разработка и реализация системы эффективных и взаимосвязанных мер, рассчитанных на долгосрочный политический эффект, который позволил бы упразднить возможность повторения этих опасных для государства событий.

Польское восстание в Северо-Западном крае (Литва и Белоруссия) ставило своей целью присоединение этого региона к независимому Царству Польскому в границах 1772 г.³ Особое положение региона заключалась в том, что губернии, его составлявшие, в отличие от Царства Польского, входили в состав России. Такой административно-территориальный порядок был установлен после 1815 г., когда по решению Венского конгресса было образовано автономное Царство Польское, связанное с Российской империей династическими узами⁴.

В период восстания 1863 г. вопрос о принадлежности региона к России стал экзистенциальным для православного духовенства и населявшего его западно-русского православного населения. Причины такого отношения крылись в движущих социальных силах, в методах революционного террора и целях восстания. Историки Российской империи и современники событий характеризовали это вооруженное выступление как «ксендзовско-шляхетский» или «национально-религиозный мятеж». Вот, например, характеристика главных сил восстания, которую давал известный российский

Д. 6194. – Л. 1-148; Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Далее: НИАБ в г. Гродно. – Ф.1. – Оп. 22. – Д. 1354. – Л. 34-375.

¹ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1442. – Л. 2-3; Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1445. – Л. 3-4; Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1447. – Л. 1-3; Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1479. – Л. 7; Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1485. – Л. 5; Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1467. – Л. 14-15, 50-52; Виленский вестник. – 1863 г. – 19 сентября;

² *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. – Вильна, 1892. – С. 228-229.

³ Российский государственный исторический архив. Далее: РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 23.

⁴ Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. – Варшава, 2005. – С. 145, 122.

публицист и издатель М.Н. Катков: «Властолюбивой шляхте, желающей властвовать над русским народом, подало руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить Православную церковь. Два властолюбия вступили в союз, два властолюбия одно другого ненасытней»¹.

Учитывая колониальный характер отношений, сложившихся в Северо-Западном крае, восстание 1863 г. правомерно охарактеризовать как попытку колониального реванша, предпринятого экстремистски настроенным польским дворянством, шляхтой и римско-католическим духовенством для восстановления в регионе своего политического и религиозного господства.

Пропагандистская мобилизация мятежников проходила под знаменами польской независимости, социального популизма, защиты католической веры, восстановления унии и воинствующей русофобии. Объектом политической и религиозной ненависти стал пропагандистский образ врага – «москаля» – с характерными для него русофобскими и «схизматическими» коннотациями².

Средством борьбы с западно-русским населением, которое сохраняло верность императору Александру II, повстанцы избрали террор, жестокие и зачастую показательные расправы, в первую очередь, с мирными жителями, принадлежавшими к православию. Мятежники пытали и вешали мужчин, женщин и подростков, засекали своих жертв плетью до смерти, топили в болоте, зарывали живыми в землю, жгли местечки и деревни, грабили крестьян, пытаясь своей беспримерной жестокостью наводить ужас на лояльных России жителей края.

Поэтому восставшая польская шляхта, помещики и поддерживавшие их ксендзы воспринимались православным духовенством и западно-русским населением Северо-Западного края в качестве экзистенциальной угрозы для своего существования. Восстановление колониального, польско-католического господства и эксплуатации связывались у православных этнических групп и сословий с революционным террором, возвращением

¹ Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М., 2014. – С. 204.

² ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 114, 123, 165; Революционный подъем в Литве и Белоруссии. – М., 1964. – С. 133.

³ Государственный архив Российской Федерации. Далее: ГАРФ. – Ф. 811. – Оп.1. – Д. 67. – Л. 26, 27, 33, 34, 36; Ф. 811. – Оп.1. – Д. 67. – Л. 35-36; Виленский вестник. – 1863. – 7 мая; Виленский вестник. – 1863. – 29 августа; Виленский вестник. – 1863 г. – 24 сентября; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. / Сост. А.И. Миловидов. – Ч. 1. – Вильна, 1913. – С. 405; Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения с Православной церковью западно-русских униатов: сборные деяния и торжественные служения в 1839 году. – СПб., 1889. – С. 67; Орловский Е. Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии 1831-1835 и 1863-1865 г.г. – Гродна, 1898. – С. 26; Карпович О. «Невинные жертвы» Муравьева, или за что казнили участников польского восстания 1863-1864 гг. // Вестник Брестского технического университета. – 2011. – № 6. – С. 22-34; Щеглов Г. *диакон*. Жертвы польского восстания 1863-1864 годов // Русский сборник: Исследования по истории России. / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. – М., 2013. – С. 224-246.

унии, принудительным окатоличиванием и полонизацией. Ответной реакцией на эту угрозу стала организованная правительством «низовая», народная борьба с «ксендзовско-шляхетским» мятежом, происходившая с помощью сельских караулов. Помощь, которую оказывали крестьяне армейским частям, становилась формой защитой веры, царя и Отечества от вооруженных польских сепаратистов, стремившихся отделить этот регион от России и воссоединить его с Польшей¹.

Поражение восстания означало не только военную, но и моральную победу России над польским региональным сепаратизмом. Российское правительство, армия, общество и православное западно-русское население Литвы и Белоруссии воспринимали восстание как покушение сепаратистов на захват и покорение коренных, искони русских земель. Поэтому одержанная победа оценивалась не как повторное возвращение чужого, польского края, а как разгром сепаратистского мятежа, направленного на отторжение западной России и порабощение проживавшего в ней единоверного и единокровного западно-русского народа – белорусов и малороссов. В повстанцах видели не героических борцов за «восстановление отчизны», а мятежников, изменивших присяге, данной императору, и посягающих на целостность России, православную веру и русскую этническую идентичность проживавшего в регионе населения².

Несмотря на сокрушительное военное и моральное поражение, польско-католическая элита, в силу своего привилегированного сословного статуса и богатства, продолжала сохранять доминирующие позиции в социально-экономической и культурной жизни Северо-Западного края. Поэтому помимо победы военной и моральной нужна была победа экономическая, религиозная и культурная, способная закрепить край за Россией на прочных социальных основаниях. Для этого и понадобилась система взаимосвязанных реформ, подготовка и осуществление которых составили второй этап деятельности М.Н. Муравьева, продлившийся до 17 апреля 1865 г.

В обширной хронике «Муравьевского времени» – это начало политики системной модернизации Северо-Западного края, именуемой в категориях той эпохи «русским народным делом» или «обрусением»³. Социально-экономические и культурные реформы, разработанные М.Н. Муравьевым, ставили своей целью изменить соотношение сил между польско-католической элитой края и крестьянским православным большинством, между католичеством и православием, которые сложились не в пользу России.

Реформаторская политика «обрусения» ставила своей целью обеспечить выход на установленный Муравьевым проектный режим интеграции края в

¹ Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. – С. 196-205, 278-281.

² Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края. – С. 268-296.

³ Мосолов А.Н. Виленские очерки. 1863-1865 гг.: (Муравьевское время). – СПб., 1898. – С. 93.

состав России. Ближайшими целями муравьевского «обрусения» являлись социально-экономическое освобождение регионального крестьянства и православного духовенства от колониального господства польско-католической элиты. Объектами этой политики стали высшие и низшие сословия, бюрократический аппарат управления, Православная и Римско-католическая церкви, система народного просвещения и региональной науки.

Мировоззренческую концепцию, положенную в основу проекта реформирования Северо-Западного края, известный консервативный мыслитель Лев Тихомиров определил, как «русская идея М.Н. Муравьева». По словам Тихомирова, «М.Н. Муравьев, в смысле собственно борьбы с мятежом, не применил ничего, кроме самого обыкновенного здравого смысла, но он мог это сделать только потому, что, стоя за историческое русское дело, сознавал себя правым. Он мог бить врага без нервничанья, со спокойной душой, чего не было ни в Варшаве, ни в Петербурге, где, потеряв русскую душу, считали себя виноватыми перед поляками, а потому не могли действовать ни спокойно, ни твердо. ...

Но, искореняя собственно мятеж, М.Н. Муравьев тем же русским чувством и сознанием понял, что здесь идет спор более глубокий: о русском или польском начале самой жизни в крае. И он сделал все, чтобы поднять и укрепить русскую народность. Церковь, язык, школа, освобождение крестьян, их независимость от ополяченной шляхты, посильное оживление умственной русской жизни края – ничего не было забыто»¹.

«Русская идея М.Н. Муравьева», ставшая мировоззренческой основой реформаторской политики, это в сущности и личная парадигма принимаемых им военных и административных решений. Ее можно охарактеризовать как парадигму деколонизации, ставившей своей целью освобождения русского края от польско-католического господства. М.Н. Муравьев был убежден, что «этот край был православным и русским и должен им быть по праву»².

Программа реформирования региона, разработанная М.Н. Муравьевым, была изложена в «Записке о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», которая была подана на имя императора Александра II 14 мая 1864 г. Прочитав Записку, император потребовал: «Внести в Западный комитет и обсудить в присутствии генерала Муравьева, не теряя времени»³. Записка была рассмотрена на заседаниях Западного комитета 17 и 19 мая. Решения комитета, утвержденные императором, приобрели силу закона.

При подготовке проекта реформ, изложенного в «Записке» от 14 мая 1864 г., М.Н. Муравьев опирался на анализ поведения в этом восстании врагов и союзников России. Неизменным и непримиримым политическим врагом России М.Н. Муравьев считал «польский элемент», то есть, «шляхту, панов и

¹ Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. – М., 2014. – С. 307, 365-367.

² Миловидов А.И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 35.

³ РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 84, 118 об.

ксендзов», которые «были и будут всегдашними нашими врагами; их преданности и уверениям не должно никогда верить... Они и теперь (после поражения восстания – А.Б.) ползают и уверяют в преданности, тогда как на душе у них таятся кинжалы, яд и убийства»¹.

Идейно-политической и религиозной основой непримиримой враждебности «польского элемента» к России было отношение к российской власти как чужеземной, навязанной извне, несмотря на то, что эта власть сохранила его сословные привилегии, собственность и богатства. Потеря независимости Польского государства в границах 1772 г. переживалась «панами, ксендзами и шляхтой» как национальная трагедия. Соответственно, Литва и Белоруссия воспринимались этим «элементом» как польский край, насильственно «забранный» Россией у Польши в 1772-1795 гг.

В свою очередь римско-католическое духовенство не могло примириться с утратой господствующего правового статуса и привилегиями, которыми оно обладало в бывшей Речи Посполитой. Свое положение польско-католическая элита оценивала в категориях политического, национального и религиозно-культурного угнетения, которому подвергались европейцы-поляки со стороны азиатской и деспотической России. Отсюда и высокомерное, презрительное отношение к православию как «вере хлопской, схизматической», к русскому языку и русской культуре, к великороссам, которых называли «москалями», «москвитянами», «варварами» и «монголами»². Отсюда и жажда реванша, военного и политического, стремление к освобождению края от русской власти и присоединения его к освобожденному Царству Польскому. И жажда реванша религиозного в форме восстановления унии, упраздненной на Полоцком соборе 1839 г., и прежних исключительных привилегий римско-католического клира.

В Литве и Белоруссии западно-русское православное население разных сословий в период восстания встало на сторону императора Александра II, несмотря на террор польских мятежников, пропагандистские обещания даровых наделов земли и соблазны восстановления унии. Решительным сторонником России выказало себя и православное духовенство, многие представители которого стали жертвой польско-католического террора, насилий и унижений со стороны мятежников. Столь же преданным России оказалось и местное великорусское старообрядчество, сумевшее стать выше обид и страданий, нанесенных религиозными гонениями эпохи Николая I

¹ *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. Подана 14 мая 1864 года // Русский архив. – 1885. – № 6. – С. 186; Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. – С. 496.

² Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора. Далее: ЗИМЛ: в 3 т. – СПб., 1883. – Т. 1. – С. 37; *Прудон П.* О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Сост. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – С. 85; Манифест Центрального комитета от 22 января 1863 года. См: ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 43.

(1825-1855), и существующей религиозной и правовой дискриминацией¹. Эти сословия и религиозно-этнические группы, проживавшие в крае, М.Н. Муравьев считал преданными союзниками и главной социальной опорой российской монархии, способной активно противостоять политическому сепаратизму и религиозно-культурному доминированию польско-католической элиты края.

Учитывая сложившееся после победы над восстанием соотношение сил политически лояльных и политически враждебных в отношении к России, М.Н. Муравьев предложил Западному комитету² идейно обоснованную программу стратегических реформ, принципиальной политической основой которой являлось официальное признание Северо-Западного края «окончательно русским, составляющим древнее достояние России»³. Политическое признание края русским, основанное на исторических, этнических, религиозных и статистических аргументах, подкрепленных событиями последнего восстания, должно было, по замыслу М.Н. Муравьева, привести к качественным изменениям правительственной политики в этом регионе.

Если в первые годы правления императора Александра II для российской политики в Северо-Западном крае была характерна политика уступок польскому дворянству, в котором правительство рассчитывало найти союзника в проведении крестьянской реформы, то теперь, после сепаратистского восстания, ситуация коренным образом изменилась.

В процессе вооруженного противостояния со всей очевидностью выявились мотивы сил, государственных и общественных, боровшихся за край, как неотъемлемую, русскую часть империи. В этой борьбе произошло совпадение интересов государства, защищающего территориальную целостность России и православного западно-русского населения, не желавших присоединения к католической Польше. Верные императору Александру II жители края, несмотря на террор, насилия и угрозы мятежников, своими действиями и поведением недвусмысленно продемонстрировали, что край этот русский и по праву принадлежит Российскому государству.

Военная, идейная и политическая борьба за край получила широкую поддержку со стороны всех сословий российского общества,

¹ Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края. – С. 255-286.

² Император Александр II (1855-1881) повелел в связи с политическими волнениями в Западном крае Российской империи, восстановить Западный комитет (Комитет западных губерний) 1831-1848 гг, учрежденный Николаем I 14 сентября 1831 г. Задачами восстановленного Западного комитета (1862-1864), состоявшего из представителей различных министерств и ведомств, являлись разработка политических решений, необходимых для подавления польского восстания 1863-1864 гг., обсуждение и проведение реформ, направленных на интеграцию края в состав России. См: РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 18-21; Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 3-55 об.

³ Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 186.

принадлежавшим к различным этническим группам и религиозным исповеданиям. Политическая солидарность и патриотизм, проявленные российским обществом в борьбе за Северо-Западный край, приобрели в это время качественно новое, *национальное измерение*. Демонстрация широкого национально-патриотического единства осуществлялась в традиционных формах выражения «верноподданнических чувств» к правящему монарху – императору Александру II.

На этом основании М.Н. Муравьев считал недопустимым возвращение к прежней политике «уступчивого правления» в крае. С его точки зрения, правительственные «снисхождения», сделанные ранее «польскому элементу», были вызваны затянувшейся неопределенностью в отношении принципиального вопроса об идентичности края. Ему было хорошо известно, что практически до начала 60-х гг. XIX в. высшая российская бюрократия, а с ней и часть российского общества все еще не могли определиться с тем, чей это край, русский или польский.

Вот как писал об этом сам М.Н. Муравьев: «Я неоднократно имел свидания и разговоры об устройстве края с разными правительственными лицами; мне сильно сочувствовали, но, к сожалению, большинство высших лиц увлекалось полонизмом и идеями сближения со взглядами европейских держав на наш Западный край. Они не знали ни истории края, ни настоящего его положения, а еще того менее не знали ни польского характера, ни всегдашних враждебных тенденций его к России. Они не могли понять мысли об окончательном слиянии того края с Россией, они считали его польским (?), ставя ни во что все русское, господствующее там числом население»².

Теперь, когда вопрос об идентичности края, а значит, о моральном праве России на владение им, был решен не только вооруженным путем, но и самим западно-русским населением, продолжение прежней политики «уступок», способствующих развитию «совершенно чуждого польского элемента», стало для М.Н. Муравьевым категорически неприемлемым. Интересы государства, ставшие общенациональными, должны были встать выше сословных интересов ксендзов и дворян «польского происхождения». Для того, чтобы избежать повторных угроз для безопасности государства со стороны «всегда враждебных нам римско-католического духовенства и шляхетства», М.Н. Муравьев предлагал императору, во-первых, покончить, наконец, с затянувшейся неопределенностью в решении вопроса об идентичности Северо-Западного края и, во-вторых, официально признав его русским, проводить в отношении «польского элемента твердую и неуклонную политику «строгой справедливости».

Реализация нового политического курса предусматривала, во-первых, решительное «подавление пришлого польского элемента» и, во-вторых,

¹ Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края. – С. 296.

² Муравьев М.Н. Записки о мятеже в Западной России // Русская старина. – 1883. – № 1. – С. 135.

«упрочение и возвышение русской народности и Православия так, чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским». Адресный, целевой характер муравьевских реформ, направленных на защиту интересов западно-русского крестьянства и Православной церкви, определял новый вектор политики России в отношении её западных окраин – ускорение процессов интеграции с центральными губерниями на основе «прочного устройства быта крестьян и распространения общественного образования в духе Православия и русской народности»¹.

2. Как начинался процесс церковных и государственных преобразований в Литве и Белоруссии в дореформенный период?

Рассматривая вопрос о региональной церковной политике М.Н. Муравьева необходимо обратить особое внимание на отношения, которые существовали между виленским генерал-губернатором и митрополитом Литовским и Виленским Иосифом (Семашко). К моменту прибытия М.Н. Муравьева в Вильну 14 мая 1863 г. оба деятеля, государственный и церковный, уже давно знали друг друга. Как отмечал Г. Я. Киприанович: «Эти два необыкновенные мужа встретились теперь, как старые знакомые, подвизавшиеся некогда совместно на поприще дорогой для них обеих западной России. М.Н. Муравьев был в 1827 году витебским вице-губернатором, в 1828 году – могилевским губернатором, а с 1831-го до 1834 года – гродненским губернатором.

Находясь в последней должности, он принимал участие в подавлении мятежа 1831 года и в 1834 году оказал деятельную поддержку высокопреосвященному Иосифу при производившемся в то время устройстве униатских церквей по образцу православных. Отправляясь в Вильну, М.Н. Муравьев был вполне уверен, что воссоединенное Иосифом духовенство, вместе с преданным ему народом, будет для него самым надежным оплотом как в подавлении мятежа, так и в предположенных им реформах к теснейшему слиянию Западного края с остальной Россией, и что митрополит Иосиф явится для него наиболее авторитетным советником и сотрудником в исполнении возложенного на него Государем весьма трудного и крайне ответственного поручения»².

Следует отметить, что этих двух выдающихся деятелей, государственного и церковного, объединяло не только давнее знакомство и совместная работа по делатинизации униатских церквей в Гродненской

¹ *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 186-187; РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 87-88.

² *Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православной церковью в 1839 г. 2-е изд. исправ. и доп. – Вильна. 1897. – С. 408-409.

губернии. Их сближала и рано сформировавшаяся общность взглядов по вопросам, которые касались важнейших преобразований в Северо-Западном крае, и в отношении к силам, которые этим преобразованиям препятствовали.

Еще в 1827 г. набрасывая общий план возвращения униатов «на лоно Православной церкви» заседатель униатской коллегии Иосиф Семашко писал о том, что «я желал бы видеть полтора миллиона истинно русского народа (белорусов и малороссов А.Б.) если не соединенным, то по крайней мере приближенным, ежели не совершенно дружным, то и не враждебным старшим свои братьям»¹.

Иосиф Семашко был противником процессов латинизации и полонизации Униатской церкви, которые подчиняли униатов власти и влиянию польского католичества. Это влияние было не только церковным и культурным, но и политическим, опасным для единства и безопасности империи. Семашко предлагал начать процесс реформ по делатинизации и деполонизации Униатской церкви для последующего объединения ее с Православием. По мнению Семашко, религиозное объединение униатов с Православием должно было стать и воссоединением этническим, при котором религиозно разделенный в прошлом большой русский народ вновь восстановит свое историческое единство.

Император Николай I поддержал реформаторский план Иосифа Семашко, подвигнув будущего митрополита к трудному и долгому делу воссоединения униатов. Сам же Иосиф (Семашко) указывал на главенствующую роль императора в упразднении унии, указывая на заинтересованность, с которой «государь император принимал к сердцу униатское дело и им занимался. Никто более меня не убежден – утверждал Семашко – что он был истинным виновником сего дела. Сколько не случалось в течение оногo помешательств и остановок, всегда они были отклоняемы твердой волей государя и дело получало новое движение»².

План реформирования Униатской церкви, предложенный императору Иосифом (Семашко), можно рассматривать как первый интеграционный проект, направленный на религиозно-обрядовое и этнокультурное сближение западно-русских униатов (белорусов и малороссов) с церковными и культурными традициями русского Православия.

Церковно-политические идеи Иосифа (Семашко), сформировавшиеся в первые годы правления императора Николая I, были созвучны воззрениям М. Н. Муравьева, которые сложились у него во время губернаторства в Литве и Белоруссии в 1827-1834 гг. Анализируя административный опыт и недостатки управления губерниями «от Польши возвращенных», М.Н. Муравьев выдвинул свой интеграционный проект, который предусматривал обширную

¹ ЗИМЛ. – СПб., 1883. – Т. 1. – С. 44.

² ЗИМЛ. – СПб., 1883. – Т. 1. – С. 45.

программу «политических коренных преобразований» для «совершенного слияния края с Российской империей»¹.

В первой записке, поданной императору в декабре 1830 г., М.Н. Муравьев отмечал, что Белоруссия, край «издревле коренной русский» и население его, за исключением помещиков, пришельцев из Польши, «коренное русское». В этой связи Муравьева как российского администратора тревожили религиозно-политические проблемы, которые препятствовали процессам интеграции Белоруссии в состав России. Таковыми проблемами М.Н. Муравьев, как и Иосиф Семашко, считал углубляющиеся процессы латинизации и полонизации Униатской церкви и прозелитическую активность Римско-католической церкви.

Также, как и Иосиф Семашко, М.Н. Муравьев выказывал уверенность, что «рано или поздно, при постоянных действиях правительства, униаты должны быть обращены в православие». Для этого М.Н. Муравьев считал необходимым «постоянное действие и пребывание благонамеренного и деятельного униатского епископа и такового греческого с особенными нравственными качествами, способного к снисходительному убеждению заблуждающихся»². Таковым униатским епископом, совершившим дело воссоединения западно-русских униатов с Православием, и стал в последствии митрополит Иосиф (Семашко).

Полученный М.Н. Муравьевым опыт подавления польского восстания 1830-1831 гг. в Литве и Белоруссии, стал основанием для составления второй записки на имя императора Николая I. В ней были сформулированы предложения по реформированию управления губерниями, «от Польши возвращенных». Уже в эти годы Муравьев был твердо убежден, что интеграция Литвы и Белоруссии в состав России не увенчается успехом без правительственных ограничений деятельности Римско-католической церкви, с одной стороны, и без действенной правительственной поддержки Церкви Православной, с другой. Задача государственной помощи Православию рассматривалась как составная часть предлагаемой им обширной программы административных реформ в Литве и Белоруссии, призванных ввести единое имперское законодательство и судопроизводство, русский язык делопроизводства, осуществить этническую унификацию и реорганизацию управления губерниями с помощью русских чиновников.

В качестве главных сил враждебного России польского сепаратизма, М.Н. Муравьев называл фанатичное римско-католическое духовенство,

¹ Записка 1831 года об учреждении приличного гражданского управления в губерниях от Польши возвращенных и уничтожении начал, наиболее служивших отчуждению оных от России // Русский архив. –1885. – № 5. – С. 186.

² Всеподданнейшая записка могилевского гражданского губернатора Муравьева о нравственном положении Могилевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей // Русский архив. –1885. – № 5. – С. 161, 167.

католические монастыри, бывшие рассадником польского «национализма», Виленский университет и польскую шляхту, в отношении которых необходимо было принять меры запретительного и ограничительного характера¹. Таким образом, вниманию императора была предложена продуманная и обширная программа «обрусения» края с целью успешной интеграции его в состав Российской империи.

Подводя итоги деятельности реформаторов Иосифа Семашко и М.Н. Муравьева в конце 20-х-30-х гг. XIX в. необходимо отметить следующее. Проект реформирования Униатской церкви, предложенный Иосифом (Семашко) и поддержанный императором Николаем I, завершился в конечном итоге упразднением унии на Полоцком соборе 1839 г. Воссоединение западно-русских униатов с Православием коренным образом изменило соотношение конфессиональных сил в Литве и Белоруссии. Теперь Православная церковь получила численное преимущество над латинским католичеством. По словам современника, отныне «все основное население западных областей есть не только русское, но и православное»².

Решения Полоцкого собора, утвержденные императором, законодательно упразднили канонические результаты длительной польско-католической экспансии и прозелитизма среди православного населения Западного края Российской империи. В воссоединенных епархиях и приходах Литвы и Белоруссии среди духовенства и мирян начался процесс постепенного изживания польско-католических традиций и, в свою очередь, усвоения традиций Русской православной церкви и русской культуры. Восстановление церковного единства стало решающим условием для формирования русского этнического самосознания и его региональных особенностей, характерных для православного населения Северо-Западного края.

Решения Полоцкого собора 1839 г. положили начало новому этнокультурному явлению, которое историк А.И. Миловидов охарактеризовал как «западно-русское возрождение»³. В связи с этим следует отметить, что начавшаяся церковная интеграция воссоединенных епархий и приходов в русское Православие стала фундаментальной основой для процессов этнической интеграции белорусов и малороссов в большой русский народ, а также, как показали события 1863 г., политической интеграции края в состав России. Таким образом, воссоединительный церковно-этнический проект

¹ Записка 1831 года об учреждении приличного гражданского управления в губерниях от Польши возвращенных. – С. 182-185.

² Воссоединение униатов с Православной церковью в Российской империи. – Б.м. б.г. – С. 148.

³ Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко. – Минск, – С. 1.

Иосифа (Семашко), обладавший глубоким интеграционным потенциалом, оказался полностью реализованным.

Что же касается второго интеграционного проекта, изложенного в записках М. Н. Муравьева, то он был выполнен лишь частично. Предложения М.Н. Муравьева, достаточно радикальные для своего времени, поступили на обсуждение Комитета Западных губерний. Из них только часть была одобрена и получила практическое воплощение¹. Так, например, был упразднен очаг польского сепаратизма – Виленский университет, а вместо него в Киеве открыт университет св. князя Владимира. В связи с событиями польского восстания 1830-1831 гг. были закрыты многие орденские монастыри². Затем последовала отмена Литовского статута и введение общеимперского законодательства и судопроизводства на русском языке. Были предприняты меры по привлечению в край русских чиновников и арендаторов, купцов и землевладельцев³.

Однако, по мнению правительства, реализация интеграционных проектов Иосифа (Семашко) и М.Н. Муравьева, как, впрочем, и многолетняя деятельность Комитета Западных губерний, не принесли успехов в деле «обрусения» Северо-Западного края. В декабре 1862 г. министр внутренних дел П.А. Валуев пессимистически утверждал, что: «В течение тридцати лет правительство не достигло в отношении к сближению Западного края с коренной Россией никаких положительных результатов»⁴.

В своих выводах, сделанных буквально накануне восстания, Валуев явно недооценивал религиозную, этническую и политическую роль Полоцкого собора 1839 г., решение которого привело к воссоединению с Православием полутора миллионов западно-русских униатов. Кардинально выросший потенциал политической лояльности православного населения министром внутренних дел, похоже, в расчет не брался. С его точки зрения политическая судьба региона зависела, в первую очередь, от результатов соглашения правительства с польско-католической элитой Северо-Западного края.

Свой скептицизм относительно политической лояльности и патриотизма западно-русского духовенства и его многочисленной крестьянской паствы П.А. Валуев выражал следующим образом: «В отношении к силам нравственным правительство может рассчитывать в настоящее время только на себя. Со временем может быть приобретена нравственная опора в местном православном духовенстве, в средних и высших слоях населения, не

¹ Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. – Т. 1. : 1831-1835. – СПб., 2017. С. 32-37, 78-91, 95-110, 115-120.

² *Сосно В.* Закрытие католических монастырей и ликвидация их землевладения в Беларуси и Литве (30-е гг. XIX в.) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų vienuolijos: istorija ir paveldas. Mokslo straipsnių rinkinys. – Kaunas: Vitauto Didžiojo universitetas; – Vilnius: Versus aureus, 2014. – С. 89–94.

³ РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 262. – Л. 1-6.

⁴ РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 1.

принадлежащего к польской народности»¹. Еще одним свидетельством явной недооценки религиозно-этнических и политических результатов воссоединения западно-русских униатов с Православием стало отсутствие ясной позиции правительства в вопросе об идентичности края накануне восстания 1863 г.

Как уже отмечалось выше, М.Н. Муравьев не испытывал нравственных и политических сомнений в определении принадлежности Северо-Западного края. Начиная свои реформы, он опирался на результаты воссоединительной деятельности митрополита Литовского Иосифа (Семашко). История края и его верное монархии православное население давали генерал-губернатору твердое моральное и политическое основание для признания края русским, в котором православие и «русская народность» (белорусы и малороссы) угнетены польской колониальной элитой и поэтому нуждаются в системной государственной защите и поддержке.

Обращаясь к императору Александру II, Муравьев вопрошал: «Может ли высшее правительство допустить, чтобы край, в котором 3-6 населения вполне русского, исповедующего православную веру, мог когда-либо признан польским, и дозволить, как это было в продолжении многих десятков лет, развиваться в нем польскому элементу, совершенно чуждому и допущенному там лишь по нашему малому предвидению и недостатку уважения к собственной народности?»². Император, не питавший личной симпатии к М.Н. Муравьеву, признал его точку зрения справедливой, что и позволило реализовать основные положения реформаторской программы по «обрусению» Северо-Западного края.

Таким образом, воссоединительная деятельность митрополита Иосифа, начатая в конце 20-х гг., заложила прочный религиозно-этнический, политический и моральный фундамент для победы над восстанием и проведения новых муравьевских реформ. В свою очередь разработанный М.Н. Муравьевым в начале 30-х гг. и частично реализованный Комитетом Западных губерний проект реформирования территорий, «от Польши возвращенных», стал первоосновой для системных преобразований Северо-Западного края, предпринятых в первой половине 60 – х гг. XIX в. Однако для того, чтобы модернизированная программа М.Н. Муравьева по «обрусению» края была сформулирована и начала претворяться в жизнь, понадобилась отмена крепостного права и подавление польского восстания 1863 г.

3. Почему духовенство «господствующей» Церкви должно было получить особую государственную поддержку?

¹ Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. – Вильна, 1906. – С. 19.

² Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 186.

Интеграционный проект М.Н. Муравьева, изложенный в записках императору Николаю I в 1830-1831 гг., содержал в себе положения, которые легли затем в основу «Записки о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», которая была подана на рассмотрение Александра II 14 мая 1864 г. Особое место в программе муравьевских реформ, изложенных в Записке от 14 мая, занимала защита интересов местного Православия. Обстоятельства, которые обусловили пристальный политический интерес виленского генерал-губернатора к проблемам Православной церкви, были обусловлены как положением, в котором находилось Православие в Северо-Западном крае, так и его предполагаемой ведущей ролью в противостоянии «польской пропаганде» и «прочном водворении русской народности» в регионе.

Русская церковь в Северо-Западном крае рассматривалась М.Н. Муравьевым как сила не только религиозная, но и этническая, способная вместе с государством выполнять двойную роль. Во-первых, активно противодействовать нелегальному прозелитизму ксендзов, окатоличению и ополячению православного населения. Во-вторых, утверждать в народе православную веру и церковные традиции, развивать религиозно-нравственное образование и формировать общерусское самосознание своей паствы. То есть, выступать в качестве субъекта деколонизации Северо-Западного края и его интеграции в состав России.

Однако для реализации целей, предусмотренных политикой «обрусения края», существовали серьезные препятствия. Для их преодоления правительству необходимо было решить, в первую очередь, насущную, ставшую уже перманентной проблему бедности духовного сословия. Парадоксальность ситуации, сложившейся в Северо-Западном крае, заключалась в том, что экономически и социально униженное православное духовенство было единственным сословием, которое занималось распространением русского просвещения в народной крестьянской среде.

По словам одного из очевидцев, чиновника Виленского учебного округа В.П. Кулина, местное сельское духовенство жило в «поразительной нищете», и оно же являлось «ближайшим хранителем православия в народе и единственным покуда распространителем русской грамотности»¹.

Нельзя сказать, что М.Н. Муравьев был первым представителем российской административной элиты, который обратил внимание на проблему бедности западно-русского духовенства. Формулируя актуальные задачи правительственной политики в Северо-Западном крае, министр внутренних дел П.А. Валуев еще накануне восстания указывал на исключительную роль православного духовенства в русском просвещении крестьянского населения: «Быстрое учреждение сельских школ, на основаниях, обеспечивающих не только поддержание, но и распространение русской народности в крае. Об

¹ РГИА. – Ф. 970. – Оп. 1. – Д. 876. – Л. 25 об.

этом важном предмете давно и много говорят и пишут, но в отношении к нему сделано чрезвычайно мало, и то, что сделано, почти исключительно сделано православным духовенством»¹.

Особенность конфессиональной ситуации в Литве и Белоруссии заключалась в том, что поляки-помещики, принадлежавшие к «терпимой» Римско-католической церкви, владели (до 1861 г.) крепостными крестьянами, которые принадлежали к Православной церкви, имевшей правовой статус «первенствующей и господствующей» в империи².

В сложившейся системе колониально-крепостнических отношений материальное положение православных священников и состояние православных храмов зависели от расположения местной колониальной элиты – польских помещиков и шляхты. В результате, по словам М.Н. Муравьева, «Духовенство наше ... лишено всех средств существования, а прихожане слишком бедны, чтобы помогать ему. Польские паны пренебрегают и гнушаются им. Оно обречено на нищенство и теперь не получает ни дров для отопления, ни средств для обрабатывания земельно-церковных участков»³.

При обсуждении «Записки» на заседании Западного комитета 19 мая 1864 г. М.Н. Муравьев, обосновывая политическую целесообразность государственной помощи православному духовенству Северо-Западного края, указывал членам комитета на причины, которые ставят это сословие в материально зависимое и социально униженное положение в сравнении с духовенством латинским.

«Священники – отмечал Муравьев – вынуждены для поддержания своего полевого хозяйства прибегать к пособию прихожан, которыми, возложенная на них повинность обработки церковных земель производится всегда неисправно и неблаговременно, и служит поводом к взаимным неудовольствиям и пререканиям между обеими сторонами, а со времени прекращения обязательных отношений между помещиками и крестьянами и уничтожения барщины, возбуждает гласный ропот между крестьянами, подстрекаемый еще более укорами и насмешками со стороны ксендзов и враждебной польской партии, внушающих народу, что правительство не печется о нуждах православного духовенства, а обязывает крестьян работать на оное.

Обстоятельства эти имеют последствием то, что большая часть священнических семейств, подпадая под превышающий силы их гнет враждебной польской партии и свыкаясь по необходимости с оным, принимают характер и усваивают себе привычки, обычаи и язык чуждого им и их религии элемента и, находясь вследствие нужды, в постоянной

¹ РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 19.

² Свод законов Российской империи. Основные государственные законы. – Т. I, ч. 1. – СПб., 1857. – Ст. 40-43; Устав духовных консисторий. – СПб., 1843.

³ *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 192.

зависимости от оно, теряют самостоятельность и нравственное влияние на окружающих их массы населения»¹.

В Российской империи православное духовенство «господствующей» Церкви, согласно статьям Свода законов, принадлежало к неподатному, то есть привилегированному сословию². Однако в Северо-Западном крае ни исключительное правовое положение «господствующей» Православной церкви, ни сословные привилегии православного духовенства не могли изменить его материальной зависимости от поляков-помещиков и прихожан, а также низкого социального статуса в местном сословном обществе.

В иерархически устроенном обществе Литвы и Белоруссии, как и на территории всей империи, правовое положение обособленных сословий и границы между ними определялись «законами о состояниях». Однако в Северо-Западном крае существовала своя региональная специфика. Границы между сословиями имели дополнительную этническую, религиозную и культурную маркировку.

Дворянство, принадлежавшее к высшему неподатному сословию, его «олигархический» и бюрократический слой – помещики и чиновники в большинстве своем имели «польское происхождение». Обладавший сословными привилегиями «иностранный исповедания» римско-католический клир также принадлежал в основном к лицам «польской национальности». Существовала еще и многочисленная польская шляхта, так называемые «подпанки»³. В целом же, этноним поляк ассоциировался в крае с коллективным, социально престижным, уважаемым именем «пана» и «ксендза».

«Русскими сословиями» было податное крестьянство, получившее личную свободу в 1861 г., и православное духовенство. В системе сложившихся социальных отношений этноним «русский», которым маркировалось сословие крестьян и православного духовенства, превратился в коллективное имя носителей зависимого положения и низкого социального статуса. Как отмечал позже митрополит Евлогий (Георгиевский), русских в крае представляли, по местному выражению, «хлоп, да поп»⁴.

Таким образом, с точки зрения М.Н. Муравьева, экономически зависимая от милости польских помещиков, вынужденная вдобавок пользоваться принудительным трудом своей паствы, «большая часть» православного духовенства не могла пользоваться «нравственным» авторитетом у своей

¹ Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае. / Сост. А. И. Миловидов. – Вильна, 1899. – С. 7-8.

² Свод законов Российской империи. Законы о состояниях – Т. IX. – СПб., 1857. – Ст. 281-294.

³ Свод законов Российской империи. –Т. IX. – СПб., 1857. – Ст. 14, 26-27, 188-236, 334-341; Свод законов Российской империи. Уставы духовных дел иностранных исповеданий – Т. XI, ч.1. – СПб., 1857. – Ст.1,11-133; *Макарэвіч В.С.* Трансфармацыя сацыяльнай структуры дваранства Беларусі ў канцы XVIII – XIX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4. / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.). – Мінск, 2009. – С. 34.

⁴ *Евлогий (Георгиевский) митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. – М., 1994. – С. 133.

паствы. Следовательно, без экономического освобождения духовенства от материальной зависимости, правительство не могло рассчитывать на его активное противодействие «польской пропаганде» и деятельное просвещение «русской народности», столь необходимые для закрепления результатов военной победы над восстанием.

Следует отметить также, что в общественно-религиозной иерархии края численно преобладавшее православное население принадлежало к низшим, податным сословиям, как правило, крестьянскому и мещанскому. В губерниях Северо-Западного края – Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской, католическое население преобладало только в двух из них – Ковенской и Виленской¹.

В этническом отношении местное православие было представлено белорусами и малороссами, которые принадлежали к «русской народности», то есть, к большому русскому народу, состоявшему из великороссов, малороссов и белорусов. Таков был исторически сложившийся социальный и этнический состав бедной крестьянской паствы Северо-Западного края, как «древлеправославной», так и воссоединенной из упраздненной в 1839 г. Греко-католической церкви².

Поэтому православие в Северо-Западном крае, несмотря на то, что к нему принадлежали представители высшей российской администрации, воспринималось католическим духовенством, панами, шляхтой и населением как «хлопская», «мужицкая» или «русская» вера³.

Бытовавшие в народе представления об идентичности населения связывали воедино конфессиональную принадлежность и этническое происхождение. Определяющую роль в процессе бытовой этнической идентификации жителей края играл конфессиональный фактор. Поэтому для обыденного сознания была характерна идентификация: «православный, значит русский», что служило еще одним свидетельством того низкого социального статуса, в котором находилась православная «русская народность» Северо-Западного края.

В принципиально ином положении находилась «терпимая» Римско-католическая церковь и ее материально обеспеченное, социально уважаемое духовенство, которое содержалось за государственный счет (жалованье и пенсии) и получавшее щедрые пожертвования от своей богатой паствы – польских помещиков, чиновников и шляхты.

¹ Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. 2-е изд., исправ. и доп. – СПб., 1864.

² *Шавельский Г. прот.* Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии. – СПб., 1910. – С. 378.

³ Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. 2. Сост. и изд. *С. Шолкович.* – Вильна, 1887. – С. 278; Литовские епархиальные ведомости. – 1864. – № 16. – С. 572; *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. – М., 2005. – С. 34.

Местное католичество располагало богато украшенными каменными костелами, эффективно воздействуя на души своих прихожан умелой проповедью, органной музыкой и пышными религиозными процессиями. Торжество церковной эстетики и притягательная сила польского католичества наиболее зримо проявлялись в масштабном распространении архитектурно привлекательных костелов и монастырей. Фактором, усиливавшим миссионерское воздействие Римско-католической церкви, являлись символические и эстетические особенности его культа, высокий социальный престиж римско-католического клира.

Негативное воздействие на авторитет Православной церкви в крае оказывали не только материальная скудость и социальная униженность ее духовенства, но и бедственное положение многих православных церквей, требовавших ремонта и перестройки. Сельские православные церкви, деревянные и убогие, с эстетически скромным богослужением являли собой разительный контраст с величественными и великолепными каменными костелами. Ветхие православные церкви, на которых вили гнезда аисты, служили живым укором «господствующему» православию, унижали православную веру в глазах населения, укрепляя в его сознании мысль, что вера православная, русская, есть «вера хлопская», а вера католическая, польская – «вера панская»¹.

Сообщая о тяжелом состоянии, в котором оказалась Православная церковь в западной России, М.Н. Муравьев в своей «Записке» обратил внимание императора на недопустимость сложившегося положения дел: «Правительству непристойно оставлять духовенство свое в столь униженном положении, равно как и церкви, которых большая часть представляют самое печальное зрелище»².

Причины сложившейся бедственной ситуации с православным духовенством края и его храмами во многом объяснялось тем, что местное русское православное дворянство и, прежде всего, помещики, были немногочисленны. Исключение составляла лишь Витебская губерния³. Следовательно, православное духовенство не могло опереться на материальные и социальные ресурсы русского поместного дворянства⁴. В этих условиях слабость социально-экономического и культурного присутствия русской дворянской элиты могла быть компенсирована только активной поддержкой Православной церкви со стороны Российского государства.

¹ Цит. по: *Миловидов А.И.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 1. – С. 11

² *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 192.

³ *Самбук С.М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. – Минск, 1980. – С. 13-15; *Айрапетов О.Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. – М., 2013. – С. 52.

⁴ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1522. – Л. 1-2.

М.Н. Муравьев прекрасно понимал социальные причины существующих в крае церковных проблем. Выход из сложившейся ситуации он усматривал в системно организованной, целевой помощи государства местному западно-русскому Православию. Правительству необходимо было улучшить материальное положение духовного сословия, поднять его социальный престиж и образовательный уровень, реализовать обширную программу ремонта и строительства православных храмов. С помощью этих тактических мер М.Н. Муравьев стремился к достижению главной цели – деколонизации и успешной интеграции Северо-Западного края в состав России.

В Записке от 14 мая 1864 г. задачи «обрусения» края были сформулированы следующим образом. Правительство должно было; заняться «прочным устройством быта крестьян», то есть, добиться их экономической независимости от помещиков, реформировать и развить систему народного образования «в духе Православия и русской народности», сделать православное духовенство материально независимым от польских землевладельцев и своих прихожан, «дабы совокупно с народом оно могло твердо противостоять польской пропаганде ... Без содействия православного духовенства мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в том крае»¹.

Выступая затем на заседании Западного комитета М.Н. Муравьев высказал «свое твердое убеждение, основанное на строгом и внимательном наблюдении настоящего положения края, что тогда только установится в нем на прочных началах владычество России, когда – при постепенно уже улучшающемся быте сельского населения, со времени дарования ему свободы от крепостного права, оно будет в наступающем уже для него периоде нравственного развития руководимо и укрепляемо в православной вере, которая в Северо-Западном крае составляет, так сказать, знамя русского начала и народной жизни.

Для сего необходимо, чтобы православное духовенство в крае поставлено было, более чем в прочих областях империи, в независимое положение от внешних обстоятельств, и вполне обеспечено правительством.

Только при таких условиях оно может быть полезно и поведет свободно народ к указанной цели, утверждая в массах населения православие и русскую народность. ... все усилия правительства утвердить в Западном крае на прочных основаниях русскую народную жизнь никогда не приведут к желанным результатам, пока не приняты будут меры посредством улучшения быта православного духовенства, к укреплению, поддержанию и расширению

¹ *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 186-187, 191.

в стране православия, которое одно может служить прочной основой владычества России и народного развития в русском духе»¹.

Для реализации поставленных целей М. Н. Муравьевым были предложены конкретные меры по улучшению материального положения православного духовенства, повышению его социального статуса и образовательного уровня. Так было положено начало политике «обрусения», способствовавшей превращению Православной церкви в один из ведущих субъектов интеграции Северо-Западного края в состав России.

По предложению М. Н. Муравьева, изложенному в «Записке» от 14 мая 1864 г., Западный комитет на заседании 19 мая принял решение об «увеличении окладов содержания городского и сельского духовенства» Северо-Западного края. Следует отметить, что к этому времени идея о необходимости улучшения материального быта духовного сословия Северо-Западного края уже находила свое понимание в высших бюрократических сферах. Так, министр внутренних дел П.А. Валуев буквально накануне польского восстания выказывал намерение внести качественные изменения в положение духовного сословия края в связи с новыми задачами, которые встали перед Православной церковью после отмены крепостного права.

Во «всепопданнейших представлениях» 13-15 декабря 1862 г. и записке в Западный комитет Валуев предлагал императору и правительству: «Немедленное оказание пособий Православной церкви и духовенству в Западных губерниях. Ассигнование на этот предмет особых сумм, на что министр финансов уже заявил согласие. Но прежде всего, надлежит отнести к числу средств для воспособления Церкви возведение ее на высшую степень гражданского значения в крае, предоставления ей известных прав участия в управлении школами, распространение и поощрение православной проповеди, одним словом все, что может сделать ее церковью воинствующей, каковой вообще должна быть всякая церковь»².

Поэтому в Западном комитете сложился консенсус относительно положительного решения вопроса об улучшении материального положения духовенства в Северо-Западном крае. Существовавшие разногласия между членами комитета касались размеров прибавки к установленному штатному жалованью и источников получения этой прибавки. Министр П.А. Валуев и его сторонники предлагали размер ежегодной прибавки для духовенства в 200 тыс. рублей

На заседании Западного комитета, проходившем 19 мая 1864 г., М.Н. Муравьев в споре с оппонентами твердо отстаивал свою позицию о необходимости выплачивать духовенству Северо-Западного края ежегодную

¹ Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае. – С. 13; РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 20, 15.

² РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 19-20 об.

прибавку к жалованью в размере 400 тыс. руб. из сумм чрезвычайного 5% сбора с доходов от имений помещиков «польского происхождения». Эти помещики, тайно финансировавшие антироссийское восстание, были обложены теперь чрезвычайным сбором от доходов со своих имений, который носил характер контрибуции. Представители неподатного «благородного» дворянского сословия должны были отдавать часть своих средств (от 10% и более) государству, представитель которого М.Н. Муравьев распределял собранные деньги на помощь жертвам польского террора, содержание администрации и войска, постройку православных храмов¹.

Объясняя политическую необходимость такого решения, Муравьев заявлял, «что при тех общественных условиях, которыми обставлено православное духовенство в Западном крае, при скудных средствах к его существованию, в сравнении с материальным бытом латинского духовенства, обеспеченного в средствах к жизни и пользующегося особенным вниманием местного привилегированного сословия, опирающегося на оное во всех своих политических и революционных стремлениях, православное духовенство не могло стать на ту степень, которая приличествует ему в обществе и никогда не станет до тех пор, пока правительство не обратит особого внимания на улучшение его положения и тем самым не поставит его на уровень с духовенством Западной церкви»².

Император Александр II поддержал точку зрения М.Н. Муравьева и его сторонников и 25 мая на журнале Западного комитета начертал «Исполнить»³.

В дополнение к этому правительственному решению М.Н. Муравьев принял ряд мер по наделению духовенства достаточным количеством земли и приказал выстроить жилые и хозяйственные помещения для церковного причта. Например, для священника полагался жилой дом (3 комнаты) с кухней, амбар, сарай, хлев для скота и гумно. Для причетника и просфирни изба (1 комната), сарай и амбар⁴.

Митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко) 25 июля 1864 г. в особом циркуляре выразил надежду, что «духовенство Литовской епархии в сердечных молитвах своих не забудет г. главного начальника здешнего края М.Н. Муравьева, которого теплое сочувствие к потребностям духовенства было поводом всеподданнейшего предстательства к государю императору о все милостивейшем удовлетворении сих потребностей»⁵.

¹ Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: умиритель и реформатор Северо-Западного края. – С. 300-301.

² Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае. / Сост. А. И. Миловидов. – Вильна, 1899. – С. 7.

³ РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 9 об.

⁴ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 831. – Л. 15-34.

⁵ Миловидов А.И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 56-57.

Таким образом, действуя в рамках личной парадигмы «освобождения», М.Н. Муравьев избавил духовное сословие от тягостной и унижительной зависимости от польских помещиков и принудительного труда прихожан, улучшив одновременно его материальный быт и жилищные условия за счет значительного повышения государственных дотаций.

4. Почему М.Н. Муравьева называли «церковным ктиторм Северо-Западного края»?

Следующим важным направлением реформаторской политики М. Н. Муравьева стала реализация обширной программы по строительству и ремонту православных храмов. Виленский генерал-губернатор воспользовался открывшейся возможностью и продолжил храмосозидательную деятельность, начатую государством еще в конце 50-х гг. XIX в.

Тогда император Александр II, располагая сведениями о бедственном положении церквей в Западном крае, в 1858 г. возложил управление делами по устройству храмов на вице-директора департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Помпея Николаевича Батюшкова. Этот преданный православию крупный чиновник прославился как «неутомимый деятель на благо западной Руси», «ревнитель православия, неустанный ходатай о нуждах духовенства и радатель по устройению церквей». Для того, чтобы поставить церковно-строительное дело на прочную рациональную основу П.Н. Батюшков предпринял ряд решительных мер по его реорганизации.

Помещики-католики были отстранены от участия в строительстве и ремонте православных церквей и причтовых помещений. В регион были направлены офицеры Генерального штаба для сбора сведений о конфессиональном и этническом составе местного населения, а также с целью изучения состояния православных церквей и зданий причта. Ими был осуществлен сбор статистических данных по каждому приходу и каждой церкви отдельно. Были получены также ценные сведения о местных православных святынях и памятниках церковного зодчества, которые убедительно свидетельствовали о том, что край этот – «издревле русский и православный».

Сооружение и ремонт храмов предусматривались в тех селениях, где их либо вовсе не было, либо там, где они пришли в совершенную негодность. На строительство церквей в помещичьих имениях выделялись значительные средства из государственного казначейства. В качестве дополнительной меры к источникам государственного финансирования были организованы обращения к православным русским людям о добровольных пожертвованиях на церковно-строительное дело и украшение храмов.

Вскоре появились первые результаты организаторской деятельности П. Н. Батюшкова. Например, по объявленной всероссийской подписке

восполнялись недостатки в богослужебных книгах, утвари, ризах и иконах в 512 построенных церквях. Оказывала помощь западно-русским церквям и православная общественность центральной России. Например, главным деятелем православной благотворительности в Москве был почетный гражданин Иван Иванович Четвериков, который за ревность свою к делам Русской церкви на западе России был удостоен награждения орденом св. Владимира¹.

В 1858 г. из государственной казны по повелению императора Александра II было выделено 500 тысяч рублей «для благоустройства белорусских церквей, как наиболее нуждающихся». Однако этих средств «едва хватило на церкви Витебской и Могилевской губернии». Затем в 1860 г. правительством была выдана новая ссуда размером в один миллион рублей, главным образом на церкви Минской губернии. Но и этих поступлений оказалось недостаточно. Правительством были выделены новые средства, и в начале 1862 года в губерниях Могилевской, Витебской и Минской было построено 534 церкви².

С началом политики «обрусения» процесс храмостроительства, осуществляемый под руководством П. Н. Батюшкова, возглавил главный начальник Северо-Западного края генерал-губернатор М. Н. Муравьев. По его предложению, изложенному в Записке от 14 мая 1864 г., Западный комитет принял решение об ассигновании из казначейства 500 тыс. рублей на постройку новых и возобновление старых церквей в Виленской и Гродненской губерниях³. 22 мая император Александр II утвердил решение комитета⁴.

Программа строительства и реконструкции храмов осуществлялась главным начальником края с помощью государственного финансирования и многочисленных пожертвований, поступавших со всей России⁵.

Государственное финансирование состояло из средств, полученных от 10% сбора с доходов помещиков, от контрибуций, наложенных на помещиков и шляхту, дополнительных сборов на постройку и ремонт церквей, а также средств из казны. Всего, с января 1864 г. по март 1865 г., из сумм, имевшихся в распоряжении М.Н. Муравьева, было отпущено на храмостроительство 901150 руб. 59 коп.⁶

При непосредственном участии М. Н. Муравьева, который опирался на помощь и поддержку известных архитекторов Н. М. Чагина и А.И. Резанова, за короткий срок (с 1863 по 1865 гг.) было построено 98 церквей; отремонтировано – 126; перестроено из костельных зданий – 16; построены 63 часовни. Вопросами ремонта и строительства православных церквей в

¹ День. – 1863. – № 3. – С. 2-3.

² Памяти Помпея Николаевича Батюшкова. – СПб., 1892. – С. 16-28; *Коялович М.О.* Состояние храмов Божиих в Западной России и благоустройство их средствами от правительства и частными пожертвованиями из России. – М., 1862.

³ РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 105.

⁴ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1529. – Л. 1-5.

⁵ День. – 1863. – № 51. – С. 23; Вестник Западной России. – 1866. – Т. III. – С. 314-321; Виленский вестник. – 1863 г. – 19 сентября.

⁶ *Миловидов А.И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви. – С. 78-79.

губерниях Северо-Западного края занимались учрежденные М.Н. Муравьевым губернские и уездные церковно-строительные комитеты, в состав которых входили представители губернской администрации, военные начальники, инженеры, архитекторы, мировые посредники, а также архиереи и благочинные¹.

«Пользуясь различными средствами, – писал А.И. Миловидов, – он в короткое время покрыл наш край плотной сетью православных храмов и часовен, за что поистине может быть назван церковным ктитором Северо-Западного края»². При содействии М. Н. Муравьева в Вильне были отремонтированы и восстановлены четыре православных храма: Николаевский кафедральный собор, Пречистенский собор, Николаевская и Пятницкая церкви. При Николаевской церкви на пожертвования благодарных горожан в память М.Н. Муравьева была сооружена и 8 ноября 1869 г. торжественно освящена часовня во имя св. Архистратига Михаила. Таким образом, усилиями М. Н. Муравьева и его помощников из забвения и руин восставала древняя «русская Вильна».

В Гродно был восстановлен Софийский собор. По словам Е. Орловского: «Софийский собор (единственная в то время приходская церковь в Гродно) был в самом неподобающем виде. От Соборной улицы он отделялся рядом еврейских лачуг, позади которых гродненские иноверцы сваливали, в виду самой церкви, всякие нечистоты»⁴. Как отмечает А.И. Миловидов, заботами М. Н. Муравьева были восстановлены древний храм Сурдегского монастыря, церковь на Троицкой горе в Минске, минский кафедральный собор, виленский Троицкий собор и др⁵.

Православное духовенство Северо-Западного края ясно осознавало смысл действий, совершаемых М. Н. Муравьевым в деле восстановления древних православных святынь и храмового строительства.

Так, в слове, произнесенном в день Архистратига Михаила 8 ноября 1864 г., в Велижском Свято-Духовском соборе законоучителем, священником Михаилом Высоцким, было отмечено: «Михаилу Николаевичу по неисповедимым судьбам промысла выпал главный жребий – жребий представить всему миру осязательные доказательства того, что издревле вера в Западно-Русском крае – была вера его предков – вера православная.

Храм Пречистенский, храм Параскевы, храм Николаевский в Вильне, воздвигаемые ныне Михаилом Николаевичем из вековых развалин и праха, воздвигаемые в дивном благолепии и красоте, в которых целые века...

¹ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1524. – Л. 8-32.

² Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. – С. 502; *Миловидов А.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве // Вестник Виленского св. Духовского братства. – 1913. – № 7-8. – С. 153.

³ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1294. – Л. 1-5.

⁴ *Орловский Е.* Граф М. Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии. 1831-1835 и 1863-1865 г. – Гродна. 1898. – С. 14.

⁵ *Миловидов А.И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви. – С. 74.

царствовало возмутительное кощунство, – эти храмы, что иное суть как не умолкнувшие памятники древнего православия и русской народности в Западном крае?»¹.

М. Н. Муравьев требовал, чтобы вновь строящиеся церкви были похожи на великорусские не только по внешнему, архитектурному облику, но и по внутреннему устройству, например, чтобы «иконы в иконостасе в отношении характера живописи и фона сохраняли те условия, какие приняты древне-церковным обычаем православных храмов». С этой же целью митрополит Иосиф (Семашко), по согласованию с М. Н. Муравьевым, предписал духовенству Литовской епархии, чтобы «все изображения (статуи, картины, кресты католические), которые по своему характеру, несомненно, принадлежат римской церкви, были уничтожены негласным образом на месте самими священниками под наблюдением благочинных»².

Таким образом, и строительство новых церквей, ремонт и благоустройство бывших униатских храмов, сохранявших элементы колониальной католической архитектуры, должны были осуществляться в соответствии с традициями византийского и русского церковного зодчества.

Православная церковь чтит память тех, кто, выполняя свой воинский долг, пал смертью храбрых, защищая неприкосновенность границ Российской империи, жизнь и собственность ее лояльных подданных. На Георгиевской площади в г. Вильне по ходатайству Михаила Николаевича Муравьева и высочайшему соизволению императора Александра II 22 октября 1863 г. была заложена и 30 августа 1865 г. освящена часовня во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Часовня, выполненная в византийском стиле, была воздвигнута на пожертвования городских обществ Северо-Западного края в «воспоминание доблестных подвигов русских воинов и для поминовения в ней тех из них, которые пали на поле брани во время усмирения мятежа». В часовне были установлены семь досок белого мрамора, на которых «вырезаны и вызолочены имена русских воинов, павших при усмирении последнего мятежа в Виленском военном округе»³. Строительством Александро-Невской часовни руководил утвержденный М.Н. Муравьевым временный строительный комитет под председательством виленского губернатора С.Ф. Панютина⁴.

В 1865 г. на пожертвования жителей Северо-Западного края, императрицы Марии Александровны и при финансовой помощи М. Н. Муравьева в г. Вильне на православном Евфросиниевском кладбище была построена Георгиевская часовня. Сооруженная в византийском стиле, эта часовня была поставлена над могилами русских воинов, павших в боях с мятежниками в

¹ НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31530. – Л. 184.

² *Миловидов А.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае. – С. 17.

³ Часовня над могилой графа М. Н. Муравьева на кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге представляет в меньшем размере точное воспроизведение этой виленской часовни. См: *Мосолов А.Н.* Виленские очерки. 1863-1865 гг.: (Муравьевское время). – СПб., 1898. – С. 139.

⁴ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 835. – Л. 31-32.

окрестностях г. Вильны. На внешних стенах часовни были расположены три мраморные доски, на которых были вырезаны золочеными буквами имена воинов, погребенных на этом кладбище. Внутри часовни были помещены лампада и образ св. Георгия работы академика Тихобразова¹.

Выдающиеся заслуги М. Н. Муравьева перед Православной церковью в Литве и Белоруссии были признаны еще при жизни. Так в ноябре 1865 г. депутация от виленского строительного комитета поднесла графу Муравьеву альбом: на верхней серебряной доске его были изображены фасады следующих виленских церквей и часовен: Николаевского кафедрального собора, Пречистенского собора, Пятницкой церкви, Александровской часовни (на Георгиевском проспекте) и часовни на православном кладбище. Внизу альбома надпись: «От Комитета по устройству церквей в Виленской губернии 6 ноября 1865 г.».

«За этот подвиг, – писал А.И. Миловидов, – граф М. Н. Муравьев вполне заслужил, чтобы его имя благодарным западно-русским духовенством было вписано на первом месте в синодиках церквей, воздвигнутых и отремонтированных во время его управления краем»².

Следует отметить, что для Православной церкви в это время насущной духовной задачей являлось восстановление в Северо-Западном крае традиций русского монашества. Число православных обителей в крае было незначительным и существенным образом уступало количеству римско-католических монастырей. Например, в обширной Литовской епархии был только один женский православный монастырь. Поэтому митрополит Иосиф (Семашко) в начале августа 1864 г. обратился к главному начальнику края с просьбой о содействии в учреждении в Вильне женского монастыря с устройством при нем приюта для девочек-сирот духовенства Литовской епархии. Для устройства будущего монастыря митрополит считал необходимым: «выписать игуменью и монахинь из Москвы, так, чтобы женская в Вильне обитель была новым звеном, связывающим Вильну с сердцем России»³.

М.Н. Муравьев всецело поддержал просьбу Владыки и обратился за помощью к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). Митрополит Филарет «заботливо сочувствуя этому делу, столь важному для утверждения

¹ *Виноградов А.* Православные святыни г. Вильны. – Вильна, 1906. – С. 16-30. *Турцевич Ар.* Краткий очерк жизни и деятельности графа М. Н. Муравьева. – Вильна, 1898. – С. 49-50.

² *Миловидов А.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве // *Вестник Виленского св. Духовского братства.* – 1913. – № 7-8. – С. 153.

К сожалению, среди представителей современного белорусского православного духовенства встречаются лица, для которых характерно невежественное и неблагодарное отношение к памяти Михаила Николаевича Муравьева. Они пренебрежительно именуют церкви, в которых служат, и которые были построены по указанию «церковного ктитора Северо-Западного края», «муравьевками». Например, *Семилет Ан. свящ.* Коптевка православная. (исторический очерк). – Гродно, 2015. – С. 9.

³ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1365. – Л. 1-5 об.

православия в здешнем крае», направил в Вильну двух инокинь московского Алексеевского монастыря – казначею Флавиану и монахиню Антонию. В свою очередь М.Н. Муравьев изыскал необходимые средства для устройства новой обители. 9 ноября 1864 г. последовало повеление императора Александра II об учреждении в г. Вильно женского монастыря во имя святой равноапостольной Марии Магдалины с наименованием его Мариинским и с присвоением ему степени 1-го класса. При обители был открыт приют для воспитания девочек сирот православного духовенства¹.

Для содействия церковному строительству в июле 1864 г. Муравьевым были учреждены церковные советы. Они состояли из 4-8 прихожан под председательством настоятеля храма. Основной целью деятельности советов являлось содействие и наблюдение за постройкой приходской церкви, за ее ремонтом, забота о недвижимом и движимом церковном имуществе и о состоянии народных школ. При церквях вновь стали возрождаться церковные братства, проявлявшие свою заботу об устройстве храмов, их благолепии, обеспечении образами, церковной утварью и облачениями².

Таким образом, благодаря усилиям П.Н. Батюшкова и М.Н. Муравьева Православная церковь в Северо-Западном крае получила возможность вступить в открытое соперничество с эстетически и символически доминирующим польским католичеством, широко демонстрируя архитектурные каноны и эстетическую привлекательность православного церковного зодчества.

5. Зачем понадобилось «обрусение» быта и традиций православного духовенства и мирян Северо-Западного края.

В период длительного колониального господства польской элиты православное духовенство и миряне, включая бывших униатов, испытали на себе сильное влияние польской культуры. Вот как писал об этом митрополит Литовский Иосиф (Семашко): «Несколько веков русский народ здешней страны находился под игом Польши. В это время не только лишили было его древнего православия посредством унии, но и покусились на родной его русский язык. С сей целью учили этот народ, по мере возможности, молиться на польском языке и, с течением времени, не только особые личности, преимущественно грамотные, но целые приходы и округа, по разным местностям, забыли родные свои ежедневные молитвы и стали употреблять молитвы на польском языке. ... На всем пространстве нынешней Литовской епархии тридцать лет тому назад, все духовенство это говорило на польском языке и вовсе не знало языка русского. Теперь, благодарение Господу, оно не

¹ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1365. – Л. 38-41, 50-51, 68.

² Миловидов А.И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви. – С. 77, 83; Миловидов А.И. К 50-летию Западнорусских братств при гр. М.Н. Муравьеве // Вестник виленского православного св. Духовского братства. – 1913. – № 12. – С. 230-232; ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1385. – Л. 1-9.

только возвратилось на лоно матери своей – Православной церкви, – но и воспитываясь в своих училищах и семинариях, изучило также и стало употреблять русский язык отцов своих»¹.

Таким образом, упразднение унии на Полоцком соборе 1839 г. остановило процесс полонизации духовенства и западно-русского населения. Теперь главным препятствием на пути полонизации становилось воссоединенное митрополитом Иосифом русское Православие Северо-Западного края. Ликвидация крепостного права лишила польских помещиков правовой основы колониальной эксплуатации православного крестьянства, открыв возможность для его свободного экономического и культурного развития. Начался процесс деколонизации края. Однако попытка колониального реванша, предпринятая польской элитой края в 1863 г., стала решающей проверкой воссоединенного Православия на верность «государю, церкви и отечеству».

В своем донесении в Святейший Синод митрополит Иосиф писал: «Тяжел был настоящий 1863 год для Литовской епархии. На всем ее пространстве кипел безумный мятеж, возбуждаемый врагами России и православия. Среди наветов и коварства, среди угроз и насилия, юная литовская православная паства подвергалась трудному испытанию. Однако же, благодарение Всевышнему, достойно перенесла это испытание»².

После подавления восстания реформы, движимые «русской идеей М. Н. Муравьева», предусматривали систему мер по интеграции Северо-Западного края в состав России. Как уже отмечалось выше, субъектом интеграционных процессов, предусмотренных политикой «обрусения» края, должно было стать духовное сословие, опирающееся на свою многочисленную крестьянскую паству. С точки зрения М. Н. Муравьева, препятствием для выполнения этой сложной и ответственной для Церкви задачи являлось неизжитое польско-униатское наследие в обрядах, быту и поведении духовенства и мирян³.

Действительно, православные прихожане нередко молились по польским молитвенникам, по униатской традиции не носили нательных крестов, в церквях ложились «кшижем», ползали на коленях, пели католические кантычки, после православной обедни шли в костел слушать «казания» (проповедь) ксендза, а в торжественные дни вместе с католиками участвовали в костельных процессиях, носили хоругви, кресты и т.п.

Наблюдалась приверженность некоторых священников к соблюдению униатских обрядов, ношение сутан, совершение крестных ходов по униатскому обряду и пр. В семейном быту православное духовенство употребляло польский язык, особенно женщины. Один из современников отмечал: «Теперешние матушки по-русски не говорят. ... У них хотя истинной

¹ Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с Православной церковью в 1839 году. 2-е изд. – Вильна. 1897. – С. 421-422.

² Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского. – С. 425.

³ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп.1866. – Д. 46. – Л. 56. об.

развитости мало, зато довольно много напускного польского чванства, каждая хочет корчить из себя пани, паны же и пани говорят здесь по-польски, ну и они туда же за ними». Говорить на белорусском наречии считалось даже неприличным, недостойным образованного общества¹.

В понимании М.Н. Муравьева, освобождение крестьян от колониальной эксплуатации должно было повлечь за собой и упразднение культурно-униатского наследия, продолжавшего влиять на обычаи и поведение православного духовенства и мирян. Следовательно, администрации края совместно с церковными иерархами предстояло в первую очередь принять меры к упразднению польско-униатского наследия, укоренившегося в традициях, нравах, общественном и семейном быту православного духовенства.

Реформирование бытовой культуры духовного сословия становилось одним из условий превращения духовенства в субъект политики «обрусения», способного не только успешно противостоять влиянию польско-католической элиты на местное общество, но и принять деятельное участие в русском просвещении своей паствы. В этой связи и возникла необходимость в проведении культурной реконкисты, призванной вытеснить из светской и церковной среды многолетние результаты воздействия «польской пропаганды». Инициатором культурной реконкисты в области внутрицерковной жизни края выступила региональная светская власть, возглавляемая М. Н. Муравьевым.

Не преступая границ власти церковной, главный начальник края предложил митрополиту Иосифу (Семашко) принять меры к тому, чтобы никто из православных не посещал костелы и не употреблял польских молитвенников. Согласно распоряжению митрополита, благочинные Литовской епархии занялись изъятием и уничтожением этих молитвенников, распространенных в среде православных прихожан.

Затем митрополит поручил консистории предписать духовенству, чтобы в тех священнослужительских семьях, где еще употребляется польский язык, изучать и повседневно использовать язык русский. Необходимость изгнания из быта духовенства польского языка митрополит Иосиф объяснял суровыми обстоятельствами недавно прошедшего восстания: «Гнусное коварство, клевета, измена, клятвопреступления, грабежи, бесчеловечные истязания, убийства и всякого рода беззакония представлялись повсеместно взорам каждого. Все это простой народ, в простоте сердца, соединял с понятием о Польше и польской речи, – и дай Бог, чтобы употребление польской речи пастырями или их семействами не поселило в народе темного чувства недоразумения и недовольства»².

¹ Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. – Вильна, 1900. – С. 39, 41-42; РГИА. – Ф. 970. – Оп. 1. – Д. 876. – Л. 19; НИАБ. – Ф.136. – Оп.1. – Д. 31365. – Л. 6-7.

² Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского. – С. 423.

В свою очередь, архиепископ Минский и Бобруйский Михаил (Голубович) 3 марта 1864 г. издал циркуляр к духовенству епархии о неупотреблении в семейном быту польского языка.

Чуть позже, 2 июня 1864 г., архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский) также издал предписание духовенству своей епархии. В нем говорилось, чтобы священнослужители в беседах с народом «непрестанно наставляли и вразумляли его в непреложной истине, что его предки вечно были русскими, что хотя, по допущению Божию, и подпали некогда под тяжкий гнет правительства польского, не переставали, однако ж, быть истинно русскими, что все белорусцы действительно по происхождению и языку коренные русские и что разве одни только исконные враги русских наций – поляки – могут сказать и внушить противное сему, ища по своим видам и целям гибели белорусцев в будущем».

На этом основании архиепископ Василий предписывал, чтобы приходское духовенство со своими семьями и монашествующие Полоцкой епархии «для успешнейшего достижения высокой цели благотворного преобразования белорусского народа, все сами возненавидели польский в нашем крае язык и все польское и поставили священным долгом себе никогда не говорить по-польски и изгнать вон и язык польский, и все польское»¹.

Польский язык стал объектом жестких ограничительных мер, вызванных реакцией правительства и православной иерархии на открытую политическую враждебность, проявленную радикально настроенной частью польской элиты в сепаратистском восстании 1863 г. При этом учитывался и опыт демонстративно вызывающего поведения этой элиты, который выражался, по словам А. Н. Мосолова, «в неуважении всякой русской власти, в презрении к русскому языку, к литературе и науке, в подавлении среди крестьянского населения всех коренных его русских начал, и в непременном ополячении масс»².

В письме к митрополиту Иосифу М. Н. Муравьев предлагал лиц, совращающих прихожан к посещению костелов и употреблению молитвенников, облагать штрафом в 25-50 рублей, а на посетителей костелов оказывать воздействие духовное и, только после троекратного обличения и упорства, доносить гражданской власти. Другим епархиальным архиереям Северо-Западного края Муравьев писал более решительно, прося сделать немедленное распоряжение, чтобы приходские священники запретили своей пастве посещать костелы и слушать там проповеди, а предлагали бы проповеди в своих церквах³.

Однако деятельность виленского генерал-губернатора в этой сфере не ограничивалась запретами и наказаниями. По инициативе М.Н. Муравьева началось распространение русских молитвенников, вместо польских, которые

¹ ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1616. – Л. 1-3, 6-7.

² Мосолов А.Н. Виленские очерки. – С. 104.

³ Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского. – С. 432-433; Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви. – С. 63.

еще были в употреблении у православного населения. С целью знакомства западно-русского православного народа с традициями Русской Церкви было распространено более 100 тыс. экземпляров русских исторических и священных картин с изображением православных святых¹.

Не менее важной проблемой для православного духовенства Северо-Западного края являлся недостаточно высокий уровень образования духовного сословия. В это время в белорусско-литовских епархиях насчитывался 1751 священник. Из них только 15 священников закончили духовные академии. В тоже время около 500 священников имели незаконченное семинарское образование.

Учитывая данное обстоятельство, М.Н. Муравьев при поддержке митрополита Иосифа, обратился в Западный комитет с предложением об открытии в Вильне православной духовной академии. Однако реализовать это предложение, к сожалению, не удалось. Тогда М.Н. Муравьев предпринял ряд мер для развития духовного образования в литовско-белорусских епархиях. В 1863 г. он обратился в Западный комитет с предложением увеличить в крае число мужских и женских духовных училищ. С этого времени начинается процесс открытия епархиальных женских училищ в губернских и уездных городах. В частности, в Минске Слониме и Новогрудке².

Мера эта была вызвана тем, что в связи с недостатком епархиальных училищ для девиц духовного звания, дочери православного духовенства получали образование в католических и протестантских пансионах, преподавание в которых велось на польском языке. Поэтому будущие жены священников становились в своих семьях носителями польской культуры. Данное обстоятельство побудило митрополита Иосифа издать распоряжение, «чтобы поступающие во священники не соединялись браком с девицами, чуждыми русскому православному образованию»³.

Не менее важным, чем запреты укоренившихся инославных традиций и участия в католических обрядах, М. Н. Муравьев считал утверждение в среде воссоединенных православных края религиозной символики, традиционно принятой в Русской Православной церкви. Русских чиновников, приезжавших из центральной России, смущало, что воссоединенные православные, по укоренившемуся униатскому обычаю, не носят нательных крестов. Поэтому М. Н. Муравьев с помощью духовенства решил привить принятый в Русской церкви обычай носить нательные кресты и в Северо-Западном крае. С этой целью из сумм, взысканных с помещиков и шляхты в форме контрибуций, им было выделено 5000 рублей на приобретение 500 тыс. крестиков, выполненных из меди и латуни на московских фабриках. Крестики,

¹ Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем. – С. 505.

² *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. – С. 192.

³ *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви. – С. 50-52.

изготовленные по рисунку академика Солнцева, были приобретены с помощью П. Н. Батюшкова для бесплатной раздачи народу.

В свою очередь, государыня императрица Мария Александровна пожертвовала 1000 серебряных крестиков с тем, чтобы они были возложены на первого крещаемого младенца в каждом приходе. Кроме того, благодаря стараниям П. Н. Батюшкова, великая княгиня Александра Петровна пожертвовала 10000 крестиков, и купец Комиссаров прислал их 1 миллион. После торжественного освящения крестиков в праздник они возлагались на присутствующих прихожан. При этом священники объясняли значение ношения крестов для христианина. Таким образом, благодаря стараниям М. Н. Муравьева, почти все православные Северо-Западного края начали носить нательные кресты².

Действуя в рамках парадигмы «освобождения», М.Н. Муравьев последовательно распространял политику «обрусения» на те области церковной жизни, от которых зависела активная позиция духовенства и мирян в противостоянии с польским католичеством. Экономическое освобождение от внешних обстоятельств, препятствовавших церковной миссии, дополнялось мерами по устранению препятствий внутренних, связанных с длительным польско-униатским культурным и религиозным воздействием на семейный быт и церковные традиции духовного сословия и мирян. Митрополит Иосиф (Семашко) воссоединил униатов с Православием, освободив их из-под власти Рима. М.Н. Муравьев закрепил дело воссоединения мерами социально-экономическими и культурными, начав тем самым новый этап в истории «западно-русского возрождения» Северо-Западного края.

Итоги.

Политика «обрусения» Северо-Западного края, призванная закрепить результаты победы над польским сепаратизмом, нашла свое воплощение в системе взаимосвязанных реформ М.Н. Муравьева, направленных на защиту социально-экономических и этнокультурных интересов западно-русского крестьянского населения. Важной составной частью этих реформ, направленных на ускорение процессов деколонизации и интеграции края в состав России, стали преобразования в области церковной жизни. Предпринятые правительством меры привели к коренным изменениям в положении Православной церкви в Литве и Белоруссии, изменив те неблагоприятные социально-экономические и административные условия, в которых находилось «господствующее» русское Православие.

Решения Западного комитета, инициированные виленским генерал-губернатором, упразднили отношения материальной зависимости и социального унижения, которые подрывали авторитет духовенства и негативно сказывались на его социальном самочувствии. Государство, взяв на себя

1 НИАБ. – Ф.136. – Оп.1. – Д. 30932. – Л. 66; Ф.136. – Оп.1. – Д. 30996. –Л. 14.

2 *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви. – С. 64.

расходы по обеспечению экономической независимости духовенства от подаяний польских помещиков и принудительного труда своих прихожан, создало необходимые предпосылки для развития его пастырского служения, социальной и педагогической деятельности.

Расширенное храмовое строительство в традициях византийского и древнерусского церковного зодчества, активно продолженное М.Н. Муравьевым, способствовало укреплению авторитета и религиозного влияния Православной церкви на территории края. Сотрудничество М.Н. Муравьева с православным епископатом и, прежде всего, с митрополитом Литовским Иосифом (Семашко), ускорило процесс изживания униатских обычаев среди прихожан, и польских культурных традиций в семейном быту приходского духовенства. В литовско-белорусских епархиях стали усваиваться эстетические каноны русского храмового зодчества, а также церковные и культурные традиции, присущие духовенству и мирянам великорусских епархий.

В результате проведенных преобразований православное духовенство получило возможность беспрепятственно трудиться для поднятия социального и культурного авторитета «русской веры», развития духовного и светского просвещения, формирования русского этнического самосознания своей западно-русской паствы. Следовательно, занимать активную позицию в противодействии прозелитизму ксендзов и социокультурному влиянию польской элиты в местностях со смешанным православно-католическим населением.

Следует подчеркнуть, что М.Н. Муравьев, действуя в русле личной парадигмы «освобождения», не пытался превратить Православную Церковь и ее епископат в послушный инструмент государственной политики «обрусения» края. Для этого не было оснований, ни политических, ни религиозных. Специфика западного региона империи заключалась в том, что на этой территории церковные интересы Православной церкви и политические интересы Российского государства практически полностью совпадали.

И у государства, и у Церкви был общий противник – региональная польско-католическая элита. Значительная часть этой элиты в период вооруженного восстания выступила в качестве открытого политического врага России, Православия и западно-русского населения. После поражения восстания характер противостояния изменился, принял формы политики «обрусения» края и тайного противодействия ей. Совпадение интересов, государственных и церковных, в условиях продолжавшегося противостояния с региональной польской элитой, свидетельствовало о том, что у православной иерархии и духовенства были свои мотивы для участия в политике «обрусения» края. Реформы М.Н. Муравьева лишь создали необходимые условия для реализации собственных интересов духовенства в церковном, социальном и государственном служении, в защите своей паствы от прозелитизма и полонизации. Продуктивные и взаимоуважительные отношения, которые сложились между М.Н. Муравьевым и митрополитом Иосифом (Семашко), служат подтверждением этого вывода.

Нельзя не отметить также, что для М.Н. Муравьева было характерно благоговейное отношение к Православной Церкви как к таинственному богочеловеческому организму во главе с Господом Иисусом Христом. И вместе с тем для него это была также и Церковь Русская, которая на протяжении столетий хранила и воспроизводила русское этническое самосознание духовенства и паствы в трудных условиях польско-католического господства. В этой связи мотивами действий М.Н. Муравьева как реформатора были не только политическая целесообразность, но и опыт личной веры, а также уважение к авторитету православной иерархии и, прежде всего, к митрополиту Иосифу (Семашко).

Теперь, после поражения восстания, когда позиции колониальной элиты в крае были серьезным образом ослаблены, Православие, традиционно бывшее маркером русской идентичности населения, получило от государства мощный импульс для развития всех сфер своего служения. Усиление в крае позиций и влияния Русской церкви способствовало, в свою очередь, выполнению стратегических целей, поставленных реформами М.Н. Муравьева: закреплению результатов победы над восстанием путем деколонизации края и интеграции его в состав России.